

ГЛАВА 35

— Цзянь Хуай, учителя ведь только добра тебе желают.

Цзянь Хуай замер у рабочего стола Хуан Ваньчжэнь, покорно выслушивая нравоучения.

— Тебе стоит прекратить всякое общение с Лу Уцзэ. Посмотри на себя в последнее время: начал прогуливать, на уроках витаешь в облаках, перестал отвечать на вопросы... От прежнего прилежания не осталось и следа. А сегодня и вовсе пошли слухи, будто вы двое за пределами класса...

Учительница Хуан осеклась, словно не решаясь произнести это вслух.

Цзянь Хуай взглянул на суровую женщину и тихо спросил:

— Что «за пределами класса»?

— Ничего! Я знаю, что ты не такой человек, и не собираюсь верить всяким глупостям, — нахмурилась она. — Но послушай моего совета: держись от Лу Уцзэ подальше. У таких, как он, нет будущего.

— Он хороший, — Цзянь Хуай стоял неподвижно. Его лицо, выточенное из драгоценного белого нефрита, казалось холодным и безжизненным, но в голосе зрело упрямство. — Лу Уцзэ очень хороший.

Он сдержанно поджал губы и отвесил классному руководителю вежливый поклон.

— Спасибо за наставления, учитель. Скоро звонок, я пойду.

Цзянь Хуай развернулся и вышел. Взгляд Хуан Ваньчжэнь, полный досады и искреннего сожаления, проводил его до самой двери.

«Этот ребёнок... ну что за характер...» — сокрушённо вздохнула она.

Когда Цзянь Хуай вернулся на своё место, учитель математики ещё не пришёл. Дин Ханьюй увлечённо резался в крестики-нолики с Ван Ии, сидевшей за передней партой.

Соседка Ии, староста по литературе Чэнь Лили, заметила вошедшего Цзянь Хуая. Она нервно закусила губу, явно желая что-то сказать, но не решаясь. Девушка то подавалась назад, то

снова замирала, глядя на него полным сомнения взглядом.

— Чэнь Лили.

— Я! — вскрикнула она от неожиданности. Поняв, что это Цзянь Хуай окликнул её, она поспешно обернулась и пролепетала: — Что... что такое?

— Ты хотела мне что-то сказать?

Цзянь Хуай лениво перелистал учебник — он уже знал его содержание наизусть.

Чэнь Лили во все глаза уставилась на него.

— Да, — едва слышно прошептала она. — Насчёт Ван Ли... Его отец и правда директор нашей школы. Попроси Лу Уцзэ отпустить его... А то я боюсь, он потом житья тебе не даст.

Цзянь Хуай перестал листать страницы.

— Хорошо.

Он на мгновение замер, а затем поднял взгляд. Девушка смотрела на него с искренней тревогой.

— Спасибо, — неловко и сухо выдавил он из себя непривычное слово.

— Не... не за что!

Щёки Чэнь Лили густо покраснели, и она смущённо отвернулась.

— Ай! — взвыл Дин Ханьюй. — Чэнь Лили, ты мне хвостом чуть глаз не выбила!

Девушка резко обернулась, и её длинный конский хвост снова хлестнул бедного соседа по лицу. Она поспешно вцепилась в него, пытаясь рассмотреть, не пострадал ли глаз.

Цзянь Хуай какое-то время наблюдал за их вознёй, и в уголках его губ промелькнула тень улыбки. Он достал телефон и привычным движением открыл чат с Лу Уцзэ.

«Где ты?» — набрал он.

Ответ прилетел мгновенно:

«Докладываю, малыш, я завтракаю».

Цзянь Хуай: «А Ван Ли?»

Лу Уцзэ: «А я его угощаю. Чтобы не изрыгал гадости с голодухи».

Следом посыпалась серия фотографий. Цзянь Хуай открыл их и внимательно изучил. На снимках Ван Ли выглядел целым и невредимым, если не считать крайне жалкого вида: со слезами на глазах он судорожно запихивал в рот огромный маньтоу.

Лу Уцзэ: «На этот раз я его прощу. Но если вякнет ещё хоть слово — разделаюсь по-настоящему».

Лу Уцзэ: «Как доест — приведу в класс. Не волнуйся».

На фото была запечатлена внушительная гора из булочек — штук двадцать, не меньше. Цзянь Хуай не сдержал короткого смешка.

«Договорились», — ответил он.

К концу третьего урока Ван Ли вернулся — бледный, помятый и едва живой. Держась за живот, он проковылял мимо Цзянь Хуая, не смея даже поднять глаз, и пластом рухнул на свою парту.

На последнем уроке в класс вошла Хуан Ваньчжэнь. Заметив состояние ученика, она нахмурилась:

— Ван Ли, что с тобой?

Тот согнулся пополам, его губы дрожали. Он украдкой оглянулся на Цзянь Хуая, встретился с ним взглядом, и Ван Ли, вздрогнув, тут же отвернулся.

— Ничего... просто желудок... — Он не успел договорить — его внезапно вывернуло прямо на пол.

— Фу! — одноклассники с криками бросились врассыпную. — Ван Ли, ну ты и мерзость!

— Заткнитесь! — Ван Ли ядовито зыркнул на кричавших. — Сами вы... без-э! — Его снова согнуло в приступе рвоты.

Учительница Хуан поспешила к нему:

— Господи, Ван Ли!

Она велела двоим парням:

— Помогите ему, отведите в медпункт.

Ребята на цыпочках, с гримасами брезгливости, подошли поближе, стараясь не наступить в лужу.

— Ван Ли, ну ты и даёшь...

— Пошли прочь, сам справлюсь!

Ван Ли, держась за раздутый живот, с трудом поднялся. С красными от напряжения глазами он побрёл к выходу, пока одноклассники испуганно вжимались в парты, освобождая ему дорогу.

Дин Ханьюй, зажав нос, во весь голос прокомментировал:

— Охренеть! Ван Ли, ну и вонища от тебя! Проваливай быстрее!

Ван Ли затрясло от ярости. Он резко обернулся и увидел, как Дин Ханьюй нагло демонстрирует ему средний палец. Главный же виновник, Цзянь Хуай, сидел как ни в чём не бывало — подперев подбородок рукой, он невозмутимо читал книгу, словно происходящее его совершенно не касалось.

— Дин Ханьюй! — прикрикнула учительница. — А ну-ка встань в углу!

— Да без проблем!

Тот пожал плечами и, проходя мимо Цзянь Хуая, довольно шепнул: «Так его, сукиного сына».

Их парты стояли у окна. Дин Ханьюй вальяжно прислонился к стене. Цзянь Хуай молча протянул ему свой учебник, чтобы тот мог следить за уроком.

Ханьюй взял книгу и подмигнул другу:

— Этот тип больше всего на свете боится потерять лицо. Теперь у него точно пукан сгорит. Будет знать, как языком чесать.

Его приглушённое хихиканье вызвало новый окрик Хуан Ваньчжэнь.

Цзянь Хуай растерянно кивнул, не сразу осознав, чему так радуется сосед. Он опустил голову, делая вид, что читает, но на самом деле просто погрузился в свои мысли.

Внезапно до него дошло: Дин Ханьюй за него заступился.

Цзянь Хуай поднял голову и тихо спросил стоящего рядом парня:

— У тебя же нет вражды с Ван Ли. Зачем ты его дразнишь?

Дин Ханьюй прикрылся учебником и заговорщицки зашептал:

— А нечего моего братишку грязью поливать. — Он помолчал и добавил: — После тех булочек мы с тобой теперь братья, так что и не думай отнекиваться!

— А? — Цзянь Хуай оторопел.

Спустя мгновение он снова опустил взгляд в книгу и едва слышно выдохнул:

— Ладно.

Он чувствовал себя в замешательстве.

«Братья»... Что это значит?

Такой, как Дин Ханьюй — который готов устроить скандал ради тебя просто потому, что ты угостил его завтраком?

Или такой, как Шан Цзиншэн — с которым рос с пелёнок?

Или Лу Уцзэ?.. Тот, кто окружил его такой заботой, что продумал каждую мелочь? Братья ли они? Пожалуй. Они ведь решили быть вместе всю жизнь, значит, они — самые близкие братья на свете.

При мысли о Лу Уцзэ в груди Цзянь Хуая разлилось тепло. Его бледное, обычно холодное лицо смягчилось. Он не видел себя со стороны: всегда бесстрастный, с пронзительным взглядом, он часто казался окружающим отчуждённым и высокомерным. Но сейчас он едва заметно, нежно улыбнулся. Он и сам не замечал, как сильно изменился.

Цзянь Хуай сосредоточенно смотрел в учебник. Учительница Хуан, объясняя материал, время от времени поглядывала на его макушку и хмурилась.

Ей было бесконечно жаль этого мальчика, на чьи плечи свалилась такая семейная трагедия. Она боялась, что отличник, подающий надежды, сломается под грузом горя. Последние дни Цзянь Хуай казался ей тенью самого себя — вечно опущенная голова, отрешённый вид. Сможет ли он удержаться на вершине? Ждёт ли его то светлое будущее, которое она ему пророчила?

— Утром я говорила, что мы будем проверять домашнее задание, — звучно произнесла Хуан Ваньчжэнь. — Начнём с Цзянь Хуая. Встань, пожалуйста, и расскажи отрывок из «Слёз и жемчуга».

На самом деле Цзянь Хуай внимательно слушал. Он листал книгу, впитывая каждое слово учителей. Просто ему почему-то не хотелось поднимать голову, не хотелось встречаться взглядом со взрослыми.

Его память была феноменальной. Учебники за весь одиннадцатый класс он перечитал уже не раз. Голоса преподавателей — мягкие или строгие — надёжно запечатлелись в его сознании. Он просто привык прятаться в коконе. Хотел, чтобы его не замечали, чтобы оставили в покое.

Одноклассники, видя его ледяное лицо, не решались подходить. А учителя, зная о его ситуации, из сочувствия или деликатности обходили его стороной. Даже если он витал в облаках, никто не делал ему замечаний.

Он стал прозрачным человеком. Тенью, запертой в безопасной зоне.

И вот впервые за долгое время его вызвали.

Цзянь Хуай растерялся, но поднялся — прямой и стройный, как молодой кипарис. В открытое окно влетел лёгкий ветерок, коснувшись его щеки.

Учительница Хуан ободряюще улыбнулась. Голос Цзянь Хуая зазвучал под сводами класса:

— «... Дрожащие росинки на лепестках роз — не слёзы ли это ангелов?..»

Цзянь Хуай смотрел на просторный, залитый светом класс. Смотрел на строгую, но сейчас ласково кивающую ему учительницу. Смотрел на одноклассников — юных, полных жизни и

скрытой доброты.

В его памяти школьные будни казались чем-то бесконечно далёким. Туманным, призрачным воспоминанием, несбыточной мечтой. И никогда ещё эта реальность не была такой осязаемой, такой прекрасной и истинной.

Это было чувство, которое невозможно описать словами.

Вечно натянутые, испуганные нервы Цзянь Хуая в это мгновение наконец расслабились. Словно какой-то властный и нежный голос прошептал в его сознании: «Вот она, твоя настоящая жизнь».

Не та — скованная страхом и тьмой, готовая в любой миг оборваться. А эта — свободная, новая, полная света. Его жизнь.

Когда Цзянь Хуай сел на место, он заметил на ветке за окном стайку птиц. Они сидели ровным рядком, и их звонкое щебетание сливалось в одну весёлую песню.

Солнечный свет залил небосклон, окончательно изгоняя тени ночного одиночества.

<http://bllate.org/book/17462/1698251>